Живет в Дортмунде (Германия).

Михаэль ШЕРБ, Дортмунд (Германия)

СТИХИ

Гамма

На месте, где гуляли пышные
Эквирии да сатурналии,
Теперь собор играет мышцами,-
С него как будто кожу сняли.

Монах привычным жестом крестится,
На солнце выходя из храма,
Чернеет клавишей на лестнице,

Семиступенной, словно гамма.

Вдали блестит реки излучина
Изогнутою веткой пальмы.
И колокольный звон задумчиво
Всплывает, словно карп зеркальный.

Элегия для Александра Павлова

Отче наш, иже еси на небеси,
Когда не смогу больше я встать с постели,
Лики любимых мимо меня пронеси,
И фигурки правнуков, кружащихся на карусели.

Прежде чем я горькой хлебну земли,
Дай мне глотнуть сладкую стынь свирели,
Триста оттенков зелени мимо меня пронеси,
Тридцать кустов синели.

Будь до конца со мной, Господи сил,
И перед тем, как я навсегда исчезну,
Ягоды звёзд мимо меня пронеси
В черном лукошке бездны.

Ванда

Простыни Ванды пахли
Ландышем и лавандой.
Волосы Ванды пахли
Влагою дождевой.
Если я вижу вёдра,
Я вспоминаю Ванду,
Особенно если вёдра
Полны до краёв водой.

У Ванды длиные ноги,
Кожа - как воск пчелиный.
Я ей достаю до мочки,
Когда она на каблуках.
Ванду лепили боги
Из самой упругой глины,
Жаркой беззвездной ночью,
На самых тугих ветрах.

Ванда любила солнце
И длительные прогулки,

Ванда любила сдобу
И срезанные цветы.
Я покупал ей розы,
Я покупал ей булки,
Ванда смеялась: чтобы
Стала такой, как ты?

Ванда через полгода
Вышла за музыканта,
Жарит ему котлеты,
Он ей дудит на трубе.
А я, если вижу воду,
Всегда вспоминаю Ванду,
Особенно если эту
Воду несут в ведре.

Элегия для Марины Гарбер

Рвами земля распорота –
Надо бы сшить травой.
Плоть моя – альт – до ворота,
Выше звучит гобой.

Молнией стриж расстёгивает
Неба стальную гладь.
Пусть мне расскажет сёгун мой
Как это – не дышать.

Пусть мне подарит, избранному,
Остров, да покрупней,
С бухтой, где стынут призраки
Парусных кораблей.

Сны порублю я в крошево,
К ним подмешаю быль.
Выйдут тумана лошади
Пепельный мять ковыль.

Стану в белесом мареве
Тушью чертить стволы.
Будут во тьме над травами
Сонные плыть волы.

Нам в серебристых зарослях
Рядом лежать с тобой:
Выдох альта – диастола,

Систолы вдох – гобой.

Дымом костра створожена,
Мягкою станет твердь.
Смерти не будет. Может быть,
Это и будет смерть.

Мишура

К исходу ноября, когда
На лужах молодого льда
Хрустели тонкие волокна,
И проседали провода,
Закутаны в прозрачный кокон
Остекленевшего дождя,
Мы, привечая холода,
Заклеивали щели в окнах.

И до весны, до той поры,
Когда сквозь снежные ковры
Асфальт проглянет островами,
Приманкою для детворы
Мерцали блёстки мишуры
На пыльной вате в междурамье.

Там был неведомый простор
Заснеженных долин и гор,-
Спеша украсить их верхушки,
Мы измельчали в порошок
Осколки елочных игрушек
И посыпали простодушный
Меж стёкол запертый мирок.

А небо посыпало нас
Пургою радужной, хрустальной,
Пока мерцал морозной тайной
Зимы двойной иконостас.

Довоенное

Синька, чернила, мёд –
Тот, довоенный мир.
Мел или самолёт
Чертит прямой пунктир?

Россыпью на полу

Хрупкий петит газет.
Пыльный кристалл в углу -
Окаменевший свет.

А на верандах дач
Лечит детей во сне
Ворон, картавый врач,
Чеховское пенсне.

Будем гулять в саду,
Будем смотреть потом,
Как из воды в пруду
Строят мальки свой дом.

Стен невесомых стон,
Мелкая дрожь мольбы,
Лики святых икон,
Их голубые лбы.

Лётное

То не ядра, а хлопушки:
Конфетти, фольга, рубли.
Что щебечешь, милый Пушкин:
«Риволи» да «Тюильри»?

Чёрен фрак, бела манишка,
Только с перьями беда.
Кошки-совы-птички-мышки -
Упорхнешь ли навсегда?

Тут пилястры да колонны,
С пеною волна у губ,
Город твой - стакан граненый,
Санкт- Стеклянный Петербург.

Жменя крошек, тучка дроби.
Вот и всё: ощипан, гол,
Задрожишь и ты в ознобе,
Как дрожал другой щегол,

Поднимаясь на Голгофу
Русских сахарных равнин.
Улетай скорей в Европу:
Там помрешь, как христьянин.

Сыплет солью снег на тушку,-
Остывает смерти месть.

Улетай скорее, Пушкин,
Ни пшена, ни солнца в кружке
Никогда не будет здесь.

Январь

На хлипких санках маленький январь:
Ушанка, шарф, растресканные губы.
Земля теряет волосы и зубы,
А в небе спорят киноварь и гарь.

Медлительны и слишком горячи
Глотки глинтвейна в веточке трахеи.
Воняют краской рёбра батареи,
И чашка гаснет, как огонь свечи.

Январь играет с выводком котят,
Он так далёк от совершеннолетья!
На круглых щёчках – сакуры соцветья,
В ладоши хлопнет – мотыльки летят.

Клеёнка сложена и влажной тряпкой вытерт
Широкий стол, похожий на кровать.
Я в шею захотел поцеловать
Тебя, но шею облегает свитер.

Январь, я оказался не готов
К твоим зрачкам, прицельным как мишени,
И ангелы высоких напряжений
Слетают в небо с голых проводов.

Автобиографическое

Вот только к жизни ты чуток привык,
Познал ее и праздники, и будни,
Пришел домой – там молодой мужик
С твоей женою ужин ест на кухне.

Ты скажешь сам себе: «не паникуй»,
И ужин съешь, и поплетешься, мрачен,
В свой кабинет, к столу, чтоб мужику
Помочь решить по алгебре задачу.

журнал
он-лайн